

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

Р. Г. Подольный

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ И ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

В последние десятилетия стремительно растет интерес к научной фантастике. Растет и влияние этого жанра на умы, поощряемое вполне реальными успехами астрономии и физики, биологии и кибернетики. Всем известно, что некоторые из этих успехов были предсказаны фантастами и что, в свою очередь, со многими сегодняшними победами ученых-естественников в наиболее яркой форме можно познакомиться, читая современную фантастику.

Почему-то гораздо меньше внимания обычно обращают на роль для научной фантастики данных гуманитарных наук. И сама история, и антропология, и в очень большой мере этнография стали неисчерпаемыми источниками и фантастических идей, и замысловатых сюжетов. Откуда, как не из фантастики, мы получаем картины быта будущего! Но, главное, этнографические сюжеты присутствуют почти всюду, где изображены контакты землян с инопланетчиками. Так же, как антропологические, — всюду, где эти инопланетчики появляются.

Научный материал, этнографический и антропологический, может быть дан в явном виде, с прямыми ссылками на земные аналогии, а может присутствовать как скрытый от глаза, но открытый мысли и чувству фон событий. Этот фон есть в каждой по-настоящему талантливой вещи. Автор может черпать сведения для него из научной или из популярной литературы, может давать длинные ссылки на источники в тексте, либо в примечаниях или вовсе обходиться без них — это уже его дело. Необходим сам фон, а не его оправдания.

Прежде фантастика так хотела быть научной, что считала своим долгом доказывать это на каждом шагу. Жюль Верн в «Таинственном острове» пускался чуть ли не в приматологические изыскания, чтобы читатель поверил в ум орангутана Юпа. Г. Уэллс для объяснения облика своих марсиан (голова да щупальцы) ссылался на научную литературу и объяснял, что, по мнению тогдашних антропологов, эволюция человека должна привести его к такой примерно внешности. Александр Беляев, рисуя людей будущего хилыми, лысыми, без ногтей и почти без зубов, в шутку говорит, что тут все «по науке». Фантасты, обильно занимавшиеся такими оправданиями сто с лишним и даже без малого пятьдесят лет назад, теперь все реже прибегают к ним.

Фантастике уже поверили — иногда даже больше, чем следует. Но одно бесспорно: фантастика интересна для читателей поскольку, по своему преломляя, пытается решать насущные реальные проблемы.

Путешествие на чужую планету для фантаста, к примеру, может быть и способом показать нелепость расовых предрассудков, и средством раскрыть глаза тем, кто готов считать себя образцом для вселенной, а свои религиозные взгляды и бытовые привычки — безусловно идеальными.

Разумеется, это — лишь одна из многих сторон фантастики, но сторона важная. И если путешествие к туманности Андромеды на фоточном звездолете — проекция идей физики, то описание встреч с аборигенами планет этой туманности — проекция на широкий экран литературы идей и материалов истории, социологии, антропологии, этнографии.

Мне кажется целесообразным обратить внимание антропологов и этнографов на то, в каком виде выступают на этом экране некоторые из «их» проблем, как использует данные их наук научная фантастика.

Размеры статьи, разумеется, не позволяют сделать мало-мальски полный обзор фантастики под этим углом зрения. Перед вами — заведомо беглый и, боюсь, весьма субъективный рассказ, а отбор примеров из моря литературных фактов продиктован не всегда, вероятно, беспристрастным вкусом автора.

* * *

Ни в чем, пожалуй, так не расходятся фантасты между собой (и «сами с собою» в разных произведениях одного автора), как в «антропологических» описаниях инопланетчиков.

Вот жители Луны в описании польского фантаста начала века Е. Жулавского:

«...У них есть крылья, хотя они с трудом пользуются ими... Между собой они объясняются при помощи светящихся знаков на лбу. ...под крыльями из натянутой на костях перепонки есть гибкие змеиные руки с шестипалой кистью. Все тело их покрыто черными короткими волосами, мягкими, густыми и блестящими, кроме лба и ладоней... Беззубый рот, окруженный роговым наростом в виде широкого и короткого клюва с крючковатым выступом в середине».

По мнению Виктора Гончарова, советского писателя 20-х годов, селенит по виду — «слоненок на задних лапах... верхние конечности мускулистые и покрытые пергаментной кожей с мелкими черными волосками...».

Под все детали строения тела своих героев большинство фантастов старается подвести научную базу. Американец Хьюго Гернсбек не только живописует, но и объясняет:

«Рост (марсиан) около 10 футов, их огромные тела похожи на бочку, а сверху возвышается большая несуразная голова с громадными, словно раковины, ушами шириной около фута и хоботообразным носом длиной 3 фута... глаза... как бы сидят на длинных стеблях, которые могут удлиниться и укорачиваться, словно подзорная труба... Поскольку сила притяжения на Марсе мала, там никогда не было очень плотной атмосферы. Поэтому, чтобы не погибнуть, марсианам пришлось значительно развить свои легкие; отсюда их колоссальная грудь, из которой практически и состоит все тело».

По Уэллсу, все тело марсиан состоит из одной головы, а селениты больше всего похожи на огромных насекомых, наделенных мозгом.

Тут испугаешься! И фантаст Э. Гамильтон написал юмористический рассказ «Невероятный мир», в котором Марс заселен марсианами из разных фантастических произведений.

«Ошеломленные глаза Лестера различали марсиан, возвышающихся над толпой на двадцать футов и шестируких; марсиан, похожих на маленьких безруких комариков; марсиан четырехглазых, трехглазых и марсиан совсем безглазых, но с щупальцами, вырастающими из лица; синих, черных, желтых и фиолетовых марсиан, не говоря уже о марсианах неопределенных оттенков, анилиново-красного, вишневого, бурого цвета

и марсиан прозрачных... Удивительнее всего было, что женщины, все без исключения, были привлекательнее мужчин... любая марсианка, бурая, зеленая, синяя или красная, могла быть образцом земной красоты».

Француз Ф. Карсак перенес на некую планету кентавров из древнегреческих мифов. Американец Клиффорд Д. Саймак изобрел живые существа, способные принимать любые формы, в том числе и форму человека.

Советский фантаст В. Савченко во «Второй экспедиции на странную планету» изображает на ней существа в образе космических ракет (за двадцать лет до того они были самолетами и превратились в ракеты в процессе эволюции).

Должен сказать, что ученые сейчас выдвигают и еще более фантастические предположения о возможных основах жизни. Как участник Бюраканской международной конференции по связи с внеземными цивилизациями, я слушал доклад академика В. Л. Гинзбурга. Он, в частности, говорил о принципиальной возможности жизни на основе иных, чем наши атомы, соединений совсем других элементарных частиц.

И на этой конференции на каждую попытку как-то ограничить конкретными условиями среду, порождающую жизнь и разум, отвечали хлестким словосочетанием: «космический шовинизм». Среди его разновидностей были шовинизм углеродно-кислородно-водородный, солнечный, звездный, планетный...

Астрономы, физики, биологи отказывались признать свой способ существования в природе единственно возможным. Они были против исключительности чего бы то ни было во Вселенной — от человека до процесса возникновения жизни на Земле. А другие условия, другие причины неизбежно должны вызвать иные следствия, иные формы жизни, в том числе и разумной.

Задним числом они оправдали всех, кто рисовал себе «другие версии» разума. И тех, кто писал о чужих, но людях — тоже. Человек ведь не исключение (хотя и не правило), значит, природа могла его и повторить.

Но все-таки, по-видимому, за относительно редкими исключениями, гораздо интереснее и писать, и читать про существа, похожие на людей и по внешности, и по своей психологии. И поэтому-то, мне кажется, человекоподобные инопланетчики, для которых фантасты предложили специальный термин — гуманоиды — господствуют на страницах рассказов, повестей и романов. И, главное, потому, что человеческие проблемы удобнее решать, показывая конфликты среди таких же существ.

И. А. Ефремов, впрочем, предложил научное тому обоснование: «Мыслящее существо из другого мира, если оно достигло космоса, так же высоко совершенно, универсально, то есть прекрасно. Никаких мыслящих чудовищ, человеко-грибов, людей-осьминогов не должно быть». И у него в «Сердце змеи» люди, у которых в каждой молекуле место кислорода занимает фтор, даже по росту не отличны от землян. У них другой цвет кожи, но «фиолетовые губы открывают правильный ряд зубов».

Словом, фантасты по-своему пробуют на зуб коренные проблемы эволюционной антропологии.

Неизбежно ли появление разума? — сейчас этот вопрос задают на симпозиумах и конгрессах. Фантасты первыми поставили его — с научной точки зрения — в книгах, которые, увы, не были вполне научными. И все же такой приоритет чего-то стоит.

Но главная заслуга прогрессивной фантастики не в том, что она рисует всевозможные варианты разумной жизни. Важнее то, что научная фантастика утверждает: внешние различия не влекут за собой настолько принципиальных различий духовных, чтобы вызвать непреодолимые

вражду и ненависть. Даже взаимное непонимание не должно вести к борьбе на уничтожение. Это — преломление в литературе антирасистских положений науки и антирасистских тенденций действительности.

Обычаи и правила жизни несуществующих народов! Кажется бы, они могут быть интересны в литературе лишь как антураж, нужны лишь в виде острой приправы к блюду, роль которого играет приключенческий сюжет или фантастическая, научная, этическая идея. Но тогда почему столь многие детали из быта выдуманных людей прочно оседают в памяти?

Даже этнограф, если он специально не занимается малайцами, вряд ли сразу припомнит правила, которых они придерживаются при еде. И, наоборот, не всегда узнает народ по описанию его способа готовить мясо.

Но достаточно почти любому услышать:

«Установлено, что за это время не меньше одиннадцати тысяч человек пошли на казнь, лишь бы не подчиниться повелению разбивать яйца с острого конца», чтобы понять, о ком идет речь.

Это же о гулливеровских лилипутах!

Верно. Гулливеровских. Лилипутах. Но разве это только о них? Там, где наука описывает, исследует, пытается объяснить генезис явления, увидеть тенденции его развития — там фантастика подхватывает и продолжает эту тенденцию, порою превращает рисунок в карикатуру, порою возводит на месте дома дворец, чаще — надстраивает одну из стен дома, чтобы мы яснее увидели прекрасные узоры или, наоборот, трещины на ней.

Аркадий и Борис Стругацкие создали в своей повести «Трудно быть богом» научно-исследовательский Институт экспериментальной истории. Его посланцы на чужих планетах живут среди их обитателей, стараясь внешне ничем среди них не выделяться и пробуют — очень осторожно — корректировать историю. Есть среди этих научных сотрудников по крайней мере один этнограф — Шуштулетидоводус, «специалист по истории первобытных культур, который сейчас работает шаманом-эпилептиком у вождя с сорокапятисложным именем».

Не знаем мы пока иных заселенных планет, и этнографам хватает дел на земле, но Институт экспериментальной истории существует. Функции его выполняет научная фантастика. Пока это мысленные эксперименты; но ведь в практике человечества они всегда предшествуют модельным и натуральным экспериментам. Впрочем, здесь и в принципе возможны только мысленные эксперименты — не поставишь же опыты на людях. А тут в распоряжении фантастов миллионы, миллиарды, триллионы людей, плюс парсеки пространства и тысячелетия времени. Лабораторией и полем становится вселенная. Да экспериментатор еще и задает не только условия эксперимента, но характеристики его объекта, мало того — может влиять на результаты опытов.

Фантаст может как будто делать все, что хочет, не принимая во внимание даже собственные предыдущие рассказы. И Рей Бредбери рисует нам Марс то безлюдный, вымерший, то населенный. Изображает марсиан то воинственными, то милыми и кроткими существами. То у него Марс колонизируют покинувшие Соединенные Штаты негры, причем после ядерной войны на Земле к ним присоединяются остатки белых американцев; то, наоборот, белые обитатели Марса, узнав о войне на Земле, срочно и поголовно возвращаются на старую родину.

Фантаст сильнее, чем любые мифические боги, которые, по точному определению древних греков, все-таки не могут сделать бывшее — не бывшим.

Тем не менее есть правила, обязательные и для фантаста, особенно научного, конечно, но и для «ненаучного» — тоже.

Книги пишут для людей, и книги должны быть интересны, должны

волновать читателей, иначе эти книги не нужны. А чтобы читатель не остался равнодушным, произведение искусства обязано так или иначе отражать жизнь, воспроизводить действительность. И в самых фантастических по масштабам космических конфликтах мы узнаем земные беды и страсти. А если не узнаем — эти конфликты становятся нам неинтересными. И фантасты уходят в глубины океанов и на чужие планеты лишь для того, чтобы на новой сцене новыми гранями заиграли старые драмы человеческой жизни.

В своих философских построениях и мысленных социальных экспериментах прогрессивные фантасты в большой мере опираются на материал, накопленный исторической наукой, в особенности первобытной историей и социологией, то есть дисциплинами, близкими к этнографии и исследующими общие с нею, а также смежные проблемы.

Этнография исследует культуру народов, определяемую иногда как систему условных способов действия. Разные культуры — разные системы условностей. Ученые-этнографы знают, что одна и та же житейская проблема в практике разных народов может решаться разными способами. Фантасты куда лучше самых добросовестных популяризаторов доносят это знание этнографов до своих читателей. Научная фантастика работает над расшатыванием догматического взгляда на мир, показывая условность того, что кажется абсолютным, а иногда — неизбежность того, что кажется случайным.

И далеко не всегда этнография дает материал для фона, на котором разворачиваются события, как-то связанные с фантастическим разрешением проблем, скажем физики. Бывает и наоборот. Физика со своими ракетами, нуль-пространством и прочими аксессуарами дает фон, а действие разворачивается вокруг проблем этнографии.

На земле встречаются представители разных народов, отличающихся друг от друга, по существу, мелочами. В космосе могут встретиться два человечества, чуждые друг другу в бесконечно большей степени, разделенные не только расстояниями, но и химическим составом, средой обитания, размерами, бог знает еще чем. Фантаст поставил над иксом в земном уравнении показатель высокой степени, очистил эксперимент от мелочей.

И над этой пропастью существа, каждое лрикосновение которых друг к другу чревато смертельной опасностью для обоих, соединяют в дружеском пожатии руки в тяжелых перчатках скафандров. Это — у Ефремова. И то же, в другой форме, у десятков других писателей, советских, польских, американских, японских.

Но бывает и иначе. Вот великолепный рассказ Роберта Шекли «Проблема туземцев».

На планету Нью-Таити прибывает космический корабль с переселенцами, странствующими уже пять поколений от звезды к звезде.

Их вождь произносит речь:

«На планете есть туземцы... и как все аборигены, они, несомненно, коварны, жестоки и безнравственны. Остерегайтесь их. Конечно, мы хотели бы жить с ними в мире, одаряя их плодами цивилизации и цветами культуры. Возможно, они будут держаться дружелюбно по отношению к нам, но всегда помните, друзья: никто не может проникнуть в душу дикаря. У них свои нравы, своя особая мораль. Им нельзя доверять, мы всегда должны быть начеку и, заподозрив что-нибудь неладное, стрелять первыми!».

Спрятавшись за кустами, слушает эту речь единственный «туземец» Эдвард Дантон, приехавший на планету на несколько месяцев раньше, ходивший здесь в набедренной повязке и как следует загоревший.

Его знание английского рассматривается прибывшими как высокая способность к мимикрии, заявления о миролюбии — как самое черное

коварство, попытки объясниться — как беспримерная наглость. Попытка стосковавшегося по женскому обществу юноши поухаживать за приезжей девушкой Анитой вызывает праведный гнев всех (кроме Аниты), по Дантону открывают стрельбу, в результате которой пришельцы переранили друг друга. Это, естественно, лишь подтвердило их мнение о враждебности и коварности многочисленных туземцев.

Даже сам Дантон чуть было не поверил, что на Нью-Таити есть аборигены.

Напуганные переселенцы предложили Дантону резервацию — для всех его соплеменников. А ему нужна была жена. И он нашел выход. От имени темедленно выдуманных им «цинохов», «дровати», «порогнасти», «ретелльсбройхов», «вителлей», а также других зависимых и малых племен Дантон объявил пришельцам войну, а условием мира поставил равноправие плюс скрепление союза браком между представителями главенствующих родов переселенцев и туземцев.

Брак был заключен. Но Дантон так и остался для всех туземцем по имени Данта.

«Его часто навещали антропологи. Они записали все истории, которые он рассказывал своим детям: древние и прекрасные нью-таитянские легенды о небесных богах и о водяных демонах, о духах огня и о лесных нимфах; о том, как Катамундре было велено создать мир из ничего за три дня, и какая награда его ожидала... От антропологов не ускользнуло сходство нью-таитянских легенд с некоторыми из земных, что послужило основанием для целого ряда остроумных теорий. Их внимание привлекли также исполинские статуи из песчаника, найденные на главном острове Нью-Таити, зловещие, колдовские изваяния, которые, увидев однажды, никто уже не мог позабыть (их вырубил сам Дантон во время своего отшельничества). Вне всякого сомнения, они были созданы некоей древней нью-таитянской расой, обитавшей на планете в незапамятные времена, которая вымерла, не оставив по себе следов. Но гораздо больше интриговало ученых загадочное исчезновение самих нью-таитян. Беспечные, смешливые, смуглые, как бронза, дикари, превосходившие представителей любой другой расы ростом, силой, здоровьем и красотой, исчезли с появлением белых людей. Лишь весьма немногие из старейших поселенцев могли кое-что припомнить о своих встречах с аборигенами, но их рассказы не внушали особого доверия».

Конечно, этот рассказ — острая сатира на жестокость и расизм колонизаторов. Концовка же бьет по другим настроениям, бесконечно менее вредным, и все же ошибочным, по идеализации «детей природы».

На Земле проблема контакта между культурами, взаимопонимания между народами, стоящими на разных стадиях развития, сама по себе достаточно остра. Перед человечеством стоит серьезнейшая задача — удержать в своей коллективной памяти богатства, накопленные всеми его разнообразными культурами, позаботиться о сохранении вклада в историю, сделанного и крупными, и самыми мелкими народами. Взаимопонимания требует и еще более насущная задача — поддержание прочного мира.

На земле оно возможно. Ну, а в космосе?

Большинство писателей-фантастов отвечает на этот вопрос утвердительно.

Во множестве научно-фантастических произведений ключом к взаимопониманию служит общий интерес к науке.

В других рассказах, повестях и романах люди разных планет объединяются для общей борьбы за справедливость и счастье.

Исследуя старые предрассудки, фантасты всерезз занимают и «предрассудками будущего». В той неприязни людей к роботам, о которой писали К. Чапек, А. Азимов, И. Войскунский и Е. Лукодянов, С. Лем и многие другие, проглядывают элементы расизма, и иногда

описание вызванных этой неприязнью конфликтов — лишь средство по-новому заклеить шовинизм. Но бывает, что фантаст исследует такой конфликт без оглядки на конкретные земные прецеденты. И тогда выясняется, что проблема взаимоотношений людей и машин может стоять остро. У В. Григорьева люди сбегают от слишком заботливых роботов. А Войскунский и Лукодянов устраивают в одной из глав романа «Плеск звездных морей» войну части людей против высокоразвитых роботов. Поняв, что больше не нужны человечеству, роботы в романе коллективно кончают жизнь самоубийством.

Другие фантасты пишут и о приходе на землю новой, поистине машинной цивилизации на смену человеческой, их подстрекают иные ученые-кибернетики, всерьез говорящие о такой возможности. Но тут мы сталкиваемся с фантастикой, в которой этнографии нечего делать — какое уже народоописание, если исчезают народы...

Фантасты открыли новые типы семьи — на планетах, население которых делится не на два пола, а на три, четыре, пять и так далее. Но им не удалось сконструировать незнакомые нашей планете образцы семьи для двуполого человечества. Моногамия, полигамия, полиандрия, групповой брак, промискуитет, — человечество, по-видимому, проверило все возможные в принципе формы семьи, отбирая из них наиболее подходящие к данным условиям, и история не оставила фантастам неиспользованных вариантов.

Что касается вариантов социального устройства общества, то у многих фантастов пользуется большим успехом кастовая система древнеиндийского типа. И. Ефремов в «Часе быка» разделил население далекой планеты на интеллигенцию, «долгоживущих», и людей физического труда, «короткоживущих», которым положено законом умирать в двадцать шесть лет. Правители планеты решили таким способом проблему излишнего роста народонаселения, и используют для укрепления своей власти вражду между этими двумя кастами.

Любопытное общество нарисовал Р. Шекли в повести «Билет на планету Транай». Власть президента и министров ограничивается правом любого из граждан в любой момент уничтожить кого угодно из правителей, доходы граждан перераспределяются путем грабежа, государственный сборщик налогов действует тем же методом, преступлений нет, поскольку они таковыми не считаются. Впрочем, транайца, убившего слишком много своих сограждан, ждет смерть от руки одного из членов правительства — но без всяких судебных процедур.

Разумеется, здесь (как часто в фантастике) перед нами своего рода сатирическая утопия, это, с одной стороны, карикатурное изображение отдельных черт американского общества, с другой, — ироническая проекция в реальность прекраснодушных мечтаний некоторых анархистствующих идеалистов.

В «Четырех четверках» советский писатель Н. Разговоров описал марсианское общество, сложившееся, увы, после истребительной войны «физиков» против «лириков». Войны, в ходе которой «лирики» были побеждены, а из культуры планеты исключили всякие следы их деятельности. Исчезли не только литература и искусство. Исчезли за ненужностью даже домашние животные. Эта повесть не стала всего лишь остроумным откликом на нашумевшую дискуссию. Н. Разговоров сумел тонко показать реванш, взятый эмоциями в душах марсиан, с точным юмором продемонстрировать, что человек не может существовать без поэтического элемента в жизни. Не случайно учебник нормативной грамматики на Марсе начинается со слов: «Все окружающее нас можно подразделить на одушевленное и неодушевленное, к одушевленному относим мы и подарки. Подарком называется вещь, задуманная вами и сделанная вами для другого». «Учение о подарках» преподается с первого по восьмой класс. На изготовление подарков тратится боль-

шая часть свободного времени марсиан. Человеческое тепло согревает их. И, наконец, происходит и внешнее возрождение «лирики».

Можно особо поговорить о том, как представляют себе фантасты изменения в будущем тех нравов и обычаев землян, которые подлежат ведению этнографии, изменения, вызванные переменами в самых разных обстоятельствах человеческого существования. Вот один пример. Удлиняется реальный срок человеческой жизни. Над последствиями этого задумываются экономисты и министры, социологи и историки. И этнографы — тоже.

А писатели начали примеряться к этой проблеме уже давно. Чапек написал пьесу «Средство Макропулоса», которая кончается отказом героев от возможности жить по триста лет. Бернард Шоу создал пьесу «Назад, к Мафусаилу» — по имени библейского персонажа, прожившего, якобы, несколько сот лет. Советские фантасты обратились к этой теме в самые последние годы. Один из героев В. Михайлова в силу сцепления случайностей остается вечно молодым. И его самого и всех вокруг волнует мысль: как это отразилось на его психологии? Стал ли он дороже ценить свою жизнь, не превратился ли, грубо говоря, в труса — ведь теперь, погибнув, он потеряет бессмертие, сотни и тысячи лет, а не годы.

Но бессмертный гибнет, спасая пытающегося покончить с собой старика, гибнет, отдавая не только свои бесконечные жизнь и молодость, но и секрет бессмертия, который должны были найти при исследовании его организма. Человек победил смерть тем, что принял ее.

А Л. Эджубов «открыл» планету Стинбу, где люди живут по двести тысяч лет. Как жалеют обитатели Стинбы людей с их восьмидесятилетним сроком жизни!

Очень важная способность фантастики состоит в том, что она не просто переносит земные конфликты в другие условия, но резко заостряет сами обстоятельства этих конфликтов.

Мы сталкиваемся с проблемами скученности городского населения, обеднения и уничтожения природы. И. Ф. Пол и С. М. Корнблат (роман «Операция „Венера“») рисуют нам мир, в котором ступеньки лестниц административных зданий ночью превращаются в спальни для рядовых рабочих, процветающие чиновники еле поворачиваются в крохотных комнатках, двухминутный душ из пресной воды — явная роскошь, а «настоящее дубовое кольцо» ценится больше золота. Ну, а за исчерпанием запасов нефти ездят в педальных автомобилях. Менее пародийные, но не менее грустные черты придают этому миру американского будущего во многих своих рассказах Р. Бредбери, Р. Шекли, А. Азимов. Стандартизация еды, строгая карточная система, деление всех граждан на разряды, имеющие строго заданные права и обязанности... Перед нами мир, где трудно дышать и в переносном и в буквальном смысле этого слова — недаром герои Пола и Корнבלата выходят на улицу, сунув в нос фильтры. Для героев «Стальных пещер» Азимова сама мысль о том, что из одного города в другой можно пройти пешком, под открытым небом, кажется абсурдной. Нью-йоркцы описанного Азимовым будущего никогда не видят солнца, их пугает пейзаж, открывающийся за окном самолета. Азимов уверенно рисует целый комплекс связанных с новым образом жизни привычек, незнакомых нашим современникам. Айзек Азимов с истинно научной точностью рисует такие детали, которым веришь.

«Стальные пещеры» — первый из цикла романов Азимова, объединенных содружеством двух детективов — человека и робота. В следующих романах цикла повествуется, в частности, о совсем иных изменениях образа жизни на планетах, где сотни лет обитают немногочисленные переселенцы с земли.

На одной из этих планет сложнейшей проблемой становится продол-

жение рода. Ее обитатели, окруженные роботами, привыкли к одиночеству и с невероятным трудом переносят общество друг друга.

Нелегкое дело — писать о культуре и быте будущего, но по видимому, и сами авторы ряда пессимистических романов не слишком верят в свои прогнозы. И Рей Бредбери, автор «451° по Фаренгейту» книги о времени, когда жгут книги, все книги (451° по Фаренгейту — температура горения бумаги) — и порою вместе с их хозяевами, — заканчивает свою печальную повесть гибелью американского общества, дошедшего до крайней степени ущемления личности. Зато в живых остаются герои повести, посвятившие себя сохранению культуры.

Герои романа Пола и Корнבלата улетают на Венеру. Работают над совместным решением проблем перенаселенной Земли и недозаселенных планет люди и роботы Азимова. А самое, пожалуй, пессимистическое из всех произведений об обществе и быте американского будущего — маленький, всего на половину печатного листа, рассказ Уильяма Тэнна «Нулевой потенциал». Рассказ об обществе, которое сделало идеалом человека посредственность, идеалом жизни — покой, что привело к вырождению человечества.

«...Правящая группа, сознавая свою „неисключительность“, избегала бесконечных конфликтов и трений... волей-неволей стремясь как можно быстрее загладить любые серьезные разногласия, так как обстановка напряжения и борьбы грозила создать благоприятные возможности для творчески настроенных, энергичных людей.

...Президент заявил: «Знаете, я заметил, что даже самый сильный лесной пожар рано или поздно выгорит. Главное — не волноваться».

«...вся система поощрений — в учебе, спорте и даже на производстве — была... приспособлена для вознаграждения за самые средние показатели и для ущемления в равной мере как высших, так и низших. Когда вскоре после этого иссякли запасы нефти, люди с полной невозмутимостью перешли на уголь». А позже «человек, истощив запасы угля, вернулся в обширные, вечно возобновляющиеся и неистощимые леса». Окончательно деградировавший человек становится домашним животным у разумных собак. Этот рассказ — ответ на воспевание в США посредственности в противовес «интеллектуализму», удар по культу Простого Американского Парня — культу, который особенно силен был в недавнем прошлом, но и сейчас сохранил кое-какие позиции.

По версии Уэллса, в будущем возможно, наоборот, не усреднение человечества, а постепенное разделение его на резко отличные друг от друга виды. В «Машине времени» перед нами, с одной стороны, потомки эксплуататоров — нежные, красивые и не умеющие работать, лишенные умения мыслить эloi, и с другой стороны, подземные труженики морлоки, для которых эloi — мясной скот.

Не будет ни того, ни другого — но фантасты уловили определенные тенденции в развитии капиталистического общества.

А некоторые советские фантасты пытаются предсказать хотя бы отдельные черты быта будущего бесклассового общества.

И. Лукодянов и Е. Войскунский в «Плеске звездных морей» демонстрируют, в частности, спортивные игры будущего, где стрельба из лука и полет на маховых крыльях сочетаются с сочинением стихов и пением, представляя собою своеобразное интеллектуально-физическое многоборье. В «Попытке к бегству» А. и Б. Стругацких для людей будущего невозможен отказ в помощи, хотя бы они не понимали мотивы того, кто этой помощи просит. И. А. Ефремов в «Туманности Андромеды» рисует широкую картину грядущего, где нашлось место для анализа исторической обусловленности новых форм морали и правил социального поведения.

Многое странно, смешно, неожиданно в конкретных деталях пряду-

манного фантастами мира. ...Но сопоставление удачных и неудачных фантастических произведений ясно показывает, что нельзя выдумывать что угодно, и вымысел подчиняется строгим законам реальности — иначе он становится неинтересен.

Приведенные на протяжении этой статьи примеры взяты часто наудачу, из разных областей фантастики, но они в равной степени демонстрируют эту истину.

Фантасты — мастера выдумывать, тут, как говорится, положение обязывает. И все-таки предложенные ими новые типы организации общества, удивительные обычаи и странные нравы не так уж удивительны и странны для тех, кто знает, какой диапазон обычаев и нравов существует и существовал на земле.

Если фантасты придумывают «закрытые цивилизации», то аналогии им были и на Земле. Достаточно вспомнить Китай или Японию, которые по воле своих правителей на целые столетия были закрыты для иностранцев.

И необычайные искусства, предназначенные для восприятия путем обоняния и осязания — тоже не такая уж диковинка. Тонкости парфюмерии Переднего Востока на рубеже нашей эры вполне могли бы быть приняты «пришельцами» за признаки изощренного искусства. А скульптура предков нынешних эскимосов создана для того, чтобы ее воспринимали не только разглядывая, но и осяпывая. Впрочем, бесполезно и безнадежно ожидать от фантастов, чтобы они сумели по-настоящему оторваться от почвы земных фактов. По-видимому, это невозможно с философской точки зрения. Из земных кирпичиков они строят новое здание. Здание, имеющее собственную ценность. Здание, с планами и деталями которого стоит знакомиться без пренебрежения и предвзятости. Я позволю себе напомнить слова Аристотеля о разнице между историком и поэтом: «...первый говорит о случившемся, второй — о том, что могло случиться; поэзия более говорит об общем, история об единичном». Свифт, пожалуй, лучше всех показал, что это определение поэзии иногда годится и для фантастики.

Бегло коснулся я лишь малой части «контактов» научной фантастики с антропологией и этнографией. Можно было бы назвать гораздо больше примеров из каждого района этих контактов, да и самих районов на самом деле больше. Чего стоит хотя бы район магии!

Ни Бредбери, ни Стругацкие, ни десятки других фантастов не устояли перед соблазном столкнуть XX век с колдунами и ведьмами. Кто из писателей объясняет чудеса телекинезом, кого занимает приложение научной терминологии к весело поданной чертовщине. Наконец, магия порою может выступить и в роли некоей модели науки вообще, роли тем более удобной, что за магию, в отличие от физики или химии, некому обижаться, когда фантаст ошибется в своих описаниях. Так поступили с чародейством и волшебством Стругацкие в веселой повести «Понедельник начинается в субботу».

* * *

Фантастика — часть литературы. Может ли она что-нибудь дать науке? На этот счет давно и упорно спорят. Одни видят в фантастах пророков и провозвестников всего нового, что несет с собой научно-техническая революция. Другие оставляют за ними роль регистраторов научных гипотез, подбирающих крохи с чужого стола.

Кто же они в своем отношении к научной истине? Нет, не они стоят у руля идущего к ней корабля. Большинство пророчеств не так уж удачно и сбываются чаще всего наименее конкретные предсказания, а их-то легче всего сделать. Но у этих литераторов есть удивительное чутье

на еще не развившиеся, не выявленные тенденции развития общества, направления науки. Там, куда они привлекают ваше внимание, стоит поискать. И часто стоит бояться того, чем они пугают. Фантасты могут порою первыми почувствовать опасность какого-то явления,— как канарейка, которую брали в шахты из-за ее особой чувствительности к рудничному газу. Или первыми, как петухи, приветствовать солнце. Как петухи, без которых солнце все равно взойдет. Но они не дадут его проспать.

Ну, а кроме того, настанет ведь день, когда земная этнография станет частью более общей науки, занимающейся населением всех обитаемых планет. И по отношению к «ксеноэтнографии» научная фантастика, может быть, займет место, какое занимает мифология по отношению к истории.

Даже если это и преувеличение — простите его любителю фантастики.
